Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/NFIOIJ
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

РАССКАЗ Б.К. ЗАЙЦЕВА «МАША»: КОМПОЗИЦИЯ ТЕКСТА И ИДЕЯ ОБУСТРОЕННОСТИ УСАДЕБНОЙ ЖИЗНИ

© 2024 г. В.Г. Андреева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 22 февраля 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 29 марта 2024 г.
Дата публикации: 25 сентября 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-308-327

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00051: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала»), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

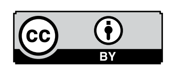
Аннотация: В статье осмысляется структура рассказа Б.К. Зайцева «Маша» (1915) как параллельное развитие и нелинейное сопоставление двух сюжетных линий, посвященных историям любви дворянки Лизы и ее ровесницы — крестьянской девушки Маши. Объясняется выбор названия рассказа, сделанный писателем (по имени крестьянской героини, что маркирует семиотические сдвиги в «усадебной культуре» Серебряного века). Подробно рассматривается дихотомия порядка/беспорядка, во многом организующая художественный мир произведения. Исследуются способы репрезентации «усадебного топоса» и анализируется социокультурная связь героинь с усадьбой. Характеризуются также сами описываемые в рассказе усадьбы Кочки и Радищево как две разновидности «усадебного топоса» в русской литературе рубежа XIX–XX вв. Прослеживается типологическое сходство Лизы Андреевой в рассказе Зайцева «Маша» с Лизой Калитиной в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1858); указывается на рецепцию Зайцевым характерологических принципов Тургенева в двойственном изображении героинь. Выявляются и классифицируются детали усадебной повседневности в рассказе Зайцева; освещается сложное, неоднозначное отношение автора к персонажам, ведущим замкнутое усадебное существование.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, «усадебный топос», композиция, сюжетные линии, дихотомия порядка и беспорядка, И.С. Тургенев, рецепция, женские персонажи.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

E-mail: lanfra87@mail.ru

Для цитирования: *Андреева В.Г.* Рассказ Б.К. Зайцева «Маша»: композиция текста и идея обустроенности усадебной жизни // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 308–327. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-308-327

Studia Litterarum, vol. 9, no. 3, 2024

"MASHA," A STORY BY B.K. ZAITSEV: COMPOSITION AND IDEA OF ORDER OF ESTATE LIFE

© 2024. Valeria G. Andreeva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: February 22, 2024
Approved after reviewing: March 29, 2024
Date of publication: September 25, 2024

Acknowledgements: This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051 (https://rscf.ru/project/22-18-00051/).

Abstract: The article comprehends the structure of the story by B.K. Zaitsev's "Masha" (1915) as a parallel development and non-linear comparison of two storylines dedicated to the love stories of the noblewoman Lisa and her peer, the peasant girl Masha. The author of this article explained the writer's choice of the story's title (after the name of the peasant heroine, which marks the semiotic shifts in the "estate culture" of the Silver Age). The article examines in detail the dichotomy of order / disorder, which substantially organizes the artistic world of the work. The research explores the ways of representing the "estate topos" and analyses the sociocultural connection of the heroines with the estate. The Kochki and Radishchevo estates described in the story are also characterized as two varieties of "estate topos" in Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries. There is a typological similarity between Liza Andreeva in Zaitsev's story "Masha" and Liza Kalitina in the novel by I.S. Turgenev, *Home of the Gentry* (1858). It indicates Zaitsev's reception of Turgenev's characterological principles in the dual portrayal of the heroines. The article identifies and classifies the details of everyday estate life in Zaitsev's story and highlights the author's complex, ambiguous attitude towards characters leading a secluded estate existence.

Keywords: B.K. Zaitsev, "estate topos," composition, plot lines, dichotomy of order and disorder, I.S. Turgenev, reception, female characters.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4558-3153
E-mail: lanfra87@mail.ru

For citation: Andreeva, V.G. "'Masha,' a Story by B.K. Zaitsev: Composition and Idea of Order of Estate Life." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 308–327. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-308-327

Рассказ Б.К. Зайцева «Маша» был впервые опубликован в пятом выпуске сборника «Слово» за 1915 г. (в собрании сочинений Зайцева дата выхода сборника указана ошибочно [14, с. 512]). В этом же выпуске «Слова» был опубликован рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско», впоследствии ставший гораздо более известным, чем рассказ Зайцева «Маша». Между тем последний, по нашему мнению, до сих пор является недооцененным критиками и исследователями. Останавливаясь на женских образах Зайцева, его стиле и манере, на общей проблематике раннего творчества писателя, ученые не обращаются специально к данному произведению: рассказ «Маша», как правило, мельком упоминается в главах о первом периоде творчества писателя.

Тот факт, что рассказ не был по достоинству оценен современной Зайцеву критикой, подтверждается расплывчатым замечанием о «Маше» Ю.И. Айхенвальда, который счел, что в этом произведении писатель несколько изменил своей прекрасной манере таинственной недоговоренности: «Психологически-музыкальный, осторожный в своих словесных прикосновениях, Борис Зайцев скорее недоговорит, чем скажет лишнее. Впрочем, есть у него и исключения из этого прекрасного правила: так, в конце рассказа “Маша” молодой женщине Лизе, чья не удалась жизнь, любовь и замужество, не следовало бы в повествовании об этой неудаче идти дальше желанно-неопределенных, читательской догадке простор оставляющих слов: “нам с Александром Иванычем не удалось... не вышла наша жизнь”» [13, с. 507].

Фактологически воспринимаемые истории любви двух центральных героинь рассказа не раскрывают его глубинной сути. В данной статье мы по-

стараемся показать, что проблематика и истинная сущность произведения Зайцева становятся понятны лишь в процессе осмысления художественных параллелей, выстроенных автором, а также уяснения композиции рассказа и значения представленных в нем вариаций «усадебного топоса». В задачи нашей работы входит доказательство многогранности произведения Зайцева, аналитическое осмысление неоднозначных взглядов писателя в этот период на русскую усадебную жизнь, выявление литературных аллюзий.

В рассказе под названием «Маша» не одна, а две главные героини — крестьянская девочка, а потом девушка и женщина Маша и ее ровесница дворянская дочь Лиза. Обе героини Зайцева переживают трепетные и ключевые в своей жизни истории любви, обе, после обрушившегося на них счастья, остаются в итоге на его руинах. Однако было бы ошибкой считать «Машу» только повествованием о чувствах двух героинь — на самом деле это еще и рассказ о русской дореволюционной жизни в целом, о ее сложностях, о силе и слабости крестьянства и дворянства, между которыми и в первое десятилетие XX в., как показывает Зайцев, существовала непреодолимая стена, об уходящей в прошлое эпохе русских традиционных усадеб.

В основе построения рассказа Зайцева находятся во многом внешние сцепления фактов и событий, внутреннюю связь которых и должен уловить читатель. Перед реципиентом неизменно встает вопрос о том, почему рассказ называется «Маша», а, например, не «Лиза» или «Лиза и Маша», — на первый взгляд, кажется странным, что Зайцев дает своему произведению название в честь героини-крестьянки, а не утонченной и воспитанной в усадебном мире Лизы. В данном случае читателю-филологу неизменно приходит на память (по контрасту) рассказ «Маша» А.Н. Толстого, вышедший в 1916 г. под названием «В июле», позднее публиковавшийся под названием «На усадьбе», а в 1928 г. изданный под заглавием «Маша». В рассказе Толстого именно Маша является главной героиней — она племянница хозяина усадьбы (или дачи), молодая девушка, ей уделяется все внимание автора, в нее влюбляется пленный чех Ян Бочар (примечательно, кстати, что есть в рассказе Толстого и горничная Лиза, которая только дважды упоминается). У Зайцева все не так: сцепления и взаимные отражения требуют пояснений. В.И. Тюпа справедливо отметил, что «обычно заглавие произведения, будучи элементом его композиции, служит своеобразным авторским ключом к его художественному миру» [11, с. 381]. Разгадку, этот авторский

ключ, объясняющий не превосходство Маши над Лизой, но наличие у нее того, что у Лизы оказывается «минус-приемом», необходимо искать в сравнении девушек, условий и обстоятельств, их сформировавших, в их поведенческих характеристиках.

Рассказ начинается не с упоминания дворянской семьи, которая позднее будет в центре повествования, но с фигуры и семьи крестьянина Льва Головина. Автор несколько снисходительно и иронично относится к самому Льву, его поведению и образу существования, однако подчеркивает несомненную любовь героя к жизни, ее истинным ценностям (не случайно он — Лев): «И наконец оказался у себя в деревне; здесь он занялся хлебопашеством и деторождением. К сорока пяти годам обзавелся порядочной семьей, которая росла неудержимо» [14, с. 128].

Дочь этого чадолюбивого человека и его красавицы жены — Маша — и становится одной из главных героинь рассказа. Владельцев имения Зайцев представляет *во вторую очередь*, отталкиваясь от уже данного описания семьи Льва Головина и используя в качестве связующего элемента упоминание о рождении Маши и Лизы в один день и о неизменной не только географической, но хозяйственной, экономической и политической близости села и усадьбы.

Зайцев не упускает случая, чтобы на протяжении рассказа не показать веками сложившуюся и нерушимую до самой революции связь владельцев имений и живущих рядом, нередко на их землях, крестьян. Деревенский мир располагался совсем недалеко от усадьбы, он с ней непосредственно соприкасался и граничил. И если для хозяев имения деревня символизировала трудовые будни народа, необходимые для производства работ, но не отвлекавшие господ от их барского ритма жизни, а также нечистоту, низкий уровень культуры, грубость, почти полную необразованность (Варвара Михайловна запрещает дочери идти в деревню, опасаясь, что та услышит там грубые выражения или попробует черного хлеба), то для крестьян усадьба и ее владельцы являлись непререкаемым образцом, носителями знаний и мудрости, благодетелями, без приказаний которых, организующих жизнь и быт всего деревенского населения, казалось, наступит полный хаос (оборотной стороной такого отношения позднее стала ненависть к дворянам как угнетателям и поработителям, реализовавшаяся в революциях 1917 г.). М.В. Скороходов справедливо отметил, что в прозе ряда писателей начала

XX в., в том числе у Зайцева, «дворянский помещичий быт неотделим от жизни деревни, которая срастается с усадебной жизнью, в том числе в процессе общения дворян с крестьянами, совместного выполнения определенных сельскохозяйственных работ» [10, с. 174].

В отличие от взрослых людей обоих «миров» — крестьянского и дворянского — детей притягивало все новое, запретное и неизведанное: так, Лизе очень хочется в деревню, а Маше, наоборот, интересен господский дом.

Хозяина имения, Николая Степановича Андреева, повествователь представляет с не меньшей долей иронии, чем Головина. Однако по отношению к крестьянам эта ирония вызвана, как правило, неграмотностью, ограниченностью мужиков. Николай же Степанович значительно проигрывает Головину в других качествах: искренности, естественности — вся барская жизнь подчинена сложной и закоснелой системе условностей и абстрактных идей: «Теперь, уже в отставке, он ходил в генеральской форме, носил очки и считал, что самое важное на свете — аккуратность. Эту идею он проводил в разговорах, и в жизни» [14, с. 128].

В художественном мире рассказа значимо, что супруга Льва Головина описана как *красивая* женщина, а супруга Николая Степановича Андреева — как дама *основательная*, которая вполне *подходила* своему мужу: основой сходства последних является любовь к установленному порядку.

Истоки этой склонности, как можно предположить, — в военном прошлом Андреева, однако и тут автор заставляет читателя задуматься: Лев Головин, в юности состоявший солдатом в гвардии, не становится любителем порядка и дисциплины — эти черты проявляются исключительно у старого барства, у хозяев усадьбы. И все бы хорошо, если б аккуратность и дисциплинированность имели у Андреевых меру и не отражались негативно на всем ярком и живом, молодом и цветущем — разумеется, и на их дочери.

Символично, что, прежде чем узнать что-либо о Лизе, читатель видит каменный барский дом, главный в имении: «Дом этот хмурый; он похож на казарму, да, верно, и выстроен в николаевские времена. Окна меленькие, стены толсты...» [14, с. 128].

Ключевой в описании дома является оппозиция, иллюстрирующая степень счастья и роскоши жизни обитателей: «жили более чем зажиточно» — но это «как-то не радует» [14, с. 128]. Несмотря на то что замечание

о радости относится к балкону, оно расширяется на описание всей атмосферы усадьбы.

Следуя далее параллели представления семей Головиных и Андреевых, писатель показывает друг за другом Лизу и Машу, подчеркивая в первой слабость, тихий нрав и послушание, во второй — крепость, природную притягательность и силу. Образ Маши полнокровен и целостен, лишен двойственности и внутренних противоречий: Зайцев отмечает, как в этой девочке, а потом девушке пробуждаются жизненные силы, большая любовь. Именно такой, не ущербной и зажатой, не обделенной чувствами и сдерживаемой предписаниями, и должна быть, по мнению писателя, женщина в общении с любимым человеком. Лиза же с детства привыкает повиноваться, сдерживать себя. Зайцев иллюстрирует две стороны ее натуры, сформированные в процессе жизни в усадьбе: Лиза с легкостью овладевает грамотой; как барский ребенок, она многое видит, наделена интуицией и чувством прекрасного; в ней рано просыпается религиозность, однако все ее лучшие качества сдерживаются основательностью и законопослушностью, унаследованными от родителей, необходимостью действовать по предписаниям.

При общей положительной оценке усадебного быта Зайцев показывает, что жизнь дворян Андреевых лишена настоящих радостей. Усадебный распорядок соразмерен потребностям людей и удобен, привычен и комфортен — большего хозяевам и не требуется: «Все сложилось в этой жизни давно, и давно застыло. Допускались действия только привычные, и все, что нарушало их, казалось почти обидным» [14, с. 135].

Далее писатель приводит знаковые примеры, которые поражают читателя и позволяют понять, что построение комфортной жизни в имении требует не просто усилий людей, но принуждения и эксплуатации, в которых не учитываются желания и предпочтения других — уже не крепостных крестьян, но людей, оказавшихся в зависимости от Андреевых: «Например, гостям иногда следовало приезжать, но не чаще заведенного обыкновения. <...> Анне Сергеевне также надлежало приходить иногда из Лыскова, — лучше всего, по воскресеньям, к обеду, и оставаться на весь вечер. Пока не темно, она гуляла с Варварой Михайловной *по хозяйству*, около разных скотных дворов, молотильных сараев, амбаров. Вечером вязала. Или скромно читала, с покорностью, какую книгу ни дадут» [14, с. 135].

Н.Л. Вершинин пишет о «неоднозначности идеи порядка, о невозможности ее идентификации по внешним признакам, вступающим в сложные бытийные отношения с началами душевного благообразия» [3, с. 117]. В рассказе Зайцева «Маша» мы сталкиваемся с ситуацией, когда идея порядка становится губительной для живого и настоящего, для душевных движений. Маша испытывает на себе это влияние в усадьбе Андреевых, однако ее деятельной натуре идеи господ не страшны в плане возможных внутренних изменений, происходит лишь внешнее притирание, приспособление ее к жизни в барском доме: «Конечно, сочетать свои действия с высшими идеями целесообразности, которыми проникались господа, было не так легко. Кухня помещалась внизу. Если за обедом, в промежуток между блюдами, Машу вызывали наверх, то нельзя было *просто* прийти. Следовало захватить что-нибудь с собой, экономя движения. Также из столовой невозможно *просто уйти*. Полагалось вечно быть в курсе того, что господа отъели, какую посуду — важнейшие, священные предметы! — можно унести, а какую нельзя» [14, с. 134].

Обратим внимание на *авторскую* ироническую вставку «важнейшие, священные предметы!», которая сразу же заметна в общем повествовании: Зайцев не одобряет форм жизни в имении Андреевых; по мнению писателя, главными ошибками и бедами Николая Степановича и Варвары Михайловны являются эгоизм и неспособность к пониманию других людей, отсутствие гибкости.

Зайцев показывает, как хозяин имения подчиняется стремлению упорядочить все окружающее, привести в максимально аккуратный вид. Причем приказы Николая Степановича воспринимаются заискивающим управляющим беспрекословно и вызывают лишь редкие возражения у тех, кто способен сопротивляться «порядку»: Андрея Пермякова, батюшки и Коссовича. По наблюдению Н.Л. Вершининой, идея порядка неоднозначна. Зайцев параллельно с «нездоровым» соблюдением норм в личной жизни героев показывает те сферы усадебного быта, где склонность Андреева и его супруги к порядку дают положительные результаты.

К примеру, Лев Головин по крестьянской «глупости» никогда бы не отдал Машу в школу, если бы не разъяснения и призывы к правильному поведению со стороны Николая Степановича: «Это просто значит — ты манкируешь земскими учреждениями. <...> Ты сам... платишь налоги? Ста-

ло быть, обязан отдать дочь в школу, на устройство которой… ну, пошли и твои денежки» [14, с. 130].

Николай Степанович ответственно, хотя отчасти от скуки, принимает участие в экзаменовке детей, Варвара Михайловна воспитывает девушек, допускаемых в дом, и тщательно следит за их нравственностью.

Аккуратность и организованность Андреевых являются качествами, необходимыми для соблюдения порядка в устроении и поддержании жизни в усадьбе. Наличие дома и сада, хозяйственных построек, целой череды работ, строго вписанных в календарный год в связи с погодными условиями и необходимостью сбора максимального урожая, заставляют хозяев имения быть бдительными и расторопными с приказаниями и контролем за их исполнением. Кроме того, Зайцев показывает, что усадебная жизнь тесно связана с конкуренцией и преемственностью. Несмотря на меньший масштаб своих усадьбы и состояния, Николай Степанович не хочет внешне ни в чем уступать соседу Коссовичу. Когда Андреев садится в мягкую, покойную коляску Коссовича, он ощущает зависть и легкое неудовольствие. Идея усадебной преемственности в рассказе выражена не в развитии (думах Андреева о дочери и внуках или возведении новых построек для будущих поколений), но сугубо в сохранении вверенного ему судьбой имения и его частей. Одним из ярких примеров является желание барина «подштопать» старые липы, т. е. залатать в них дупла. Андрей Пермяков отказывается верить приказчику, передавшему распоряжение Андреева, и идет к хозяину сам. Однако Пермяков смолкает, как только слышит из уст Андреева слово *беспорядок* (понимая, что сопротивляться бесполезно):

> — Да… ведь тебе Федотыч говорил?
>
> — Говорил.
>
> — Ну?
>
> — Чего ж их зашивать? Пускай дупла и будут.
>
> — Нет, уж нет, я сказал, чтобы зашить… это *беспорядок*.
>
> Пермяков сумрачно ответил:
>
> — Хорошо, зашью (курсив мой. — *В.А.*) [14, с. 140].

Важной особенностью усадебной жизни является связь понятий *порядка* и *беспорядка* с понятием *праздности* — «еще одной, не до конца осмыс-

ленной составляющей усадебного быта» [3, с. 117]. В семье и доме Николая Степановича преобладает обстановка праздности, отсутствия движения и развития, которые подменяются «идеями» и «аккуратностью». Андреев и его супруга ведут жизнь закосневших обитателей усадьбы, занятых удовлетворением пожеланий и прихотей, исполнением тех ежедневных обязательств, которые поддерживают их быт, — такая ситуация была во многих провинциальных усадьбах средней руки: «Провинциальную скуку отчасти компенсировали долгие и обильные трапезы, прием гостей, длительные собеседования со старостой деревни, разбор конфликтов между слугами» [6, с. 81].

В рассказе показано, что в случае каких-либо спорных и сомнительных событий, требующих помощи и вмешательства со стороны, к решению крестьянских проблем привлекаются господа. Разумеется, этот факт иллюстрирует несамостоятельность людей из народа. Ко времени написания Зайцевым рассказа в деревнях так и не появились в нужном количестве врачи и медицинские пункты. Когда истеричная жена Пермякова устраивает скандалы, к Варваре Михайловне обращаются как к врачу; позднее барыня принимает весьма специфические меры по отношению к Пелагее: не имея формальных прав для изгнания жены Пермякова из деревни, она тем не менее ведет себя по-хозяйски, будто ее воля — закон, как во времена крепостного права: «И со свойственной ей категоричностью, Варвара Михайловна потребовала, чтобы Пелагея тотчас уезжала...» [14, с. 158].

Наиболее пагубное воздействие принятая в имении склонность к порядку оказывает на Лизу, в которой искореняются живые и страстные начала. Зайцев, по всей видимости, намеренно называет свою героиню Лизой — перед нами явная аллюзия на роман «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева, особенно если учесть сходство характеров и убеждений обеих героинь. Как и тургеневская Лиза, героиня Зайцева тиха и спокойна, глубоко религиозна. В.Г. Щукин отметил, что Лиза у Тургенева «была не по летам серьезной девушкой: на протяжении всего романа она ни разу не смеется <...> на редкость честна и убеждена в том, что человек не живет на земле для собственного удовольствия, ибо жизнь есть исполнение нелегкого и возвышенного долга. И наконец, она просто тихая — и в переносном, и в буквальном смысле слова» [12, с. 54].

В литературоведении представлены два различных (но, по нашему мнению, взаимодополняющих) взгляда на Лизу Калитину. Ряд ученых

считают ее глубоко и по-народному религиозной. Так, Ю.В. Лебедев подчеркивает, что «ее воспитывала нянюшка, простая русская крестьянка. Книгами ее детства были жития святых. Лизу покоряла самоотверженность отшельников, святых угодников и мучениц, их готовность пострадать и даже умереть за правду. Лиза религиозна в духе народных верований…» [7, с. 257].

Щукин объясняет, что на Лизу влияла не только традиционная православная религиозность русского народа, но и «уважение к человеческому достоинству, внутренней независимости и праве на личную, в том числе интимную жизнь <…> все то, что было порождено духом западноевропейского индивидуализма, присущим также русской дворянской культуре: <…> любит-то она *желтофиоли*, т. е. желтые анютины глазки, что растут на клумбе перед ее домом, в усадебном саду, который устроили когда-то не для того, чтобы славить Бога, и не для спасения грешной души, а просто ради красоты, приятного времяпрепровождения и прочих земных удовольствий» [12, с. 64–65].

По нашему мнению, Зайцев как тонкий, чуткий писатель и критик, создавший в том числе замечательную книгу «Жизнь Тургенева» (1932), не мог не видеть обеих сторон образа тургеневской Лизы — их он передал своей героине. Наряду с художественными аллюзиями и реминисценциями, Зайцев освоил присущее Тургеневу стилистическое единство масштабных обобщений и лиризма: «Творческая манера Зайцева определяется неповторимым соединением лиризма и эпичности. Его способ художественного постижения мира — обновленный, синтетический реализм, вобравший в себя элементы модернизма (импрессионистическая манера письма, лирико-ассоциативный поток, медитативное начало, эмотивность и др.). Сам писатель считал себя продолжателем «тургеневско-чеховской линии» в литературе» [8, с. 52].

Как и Лиза Калитина, Лиза Андреева в юности была очень религиозна, причем дома в моменты настоящего душевного равновесия в своей бывшей детской ей приходят ночные видения — Лиза рассказывает Маше о явлении Богородицы. В то же время Лиза у Зайцева не лишена стремления к наслаждениям, роскоши, «земным удовольствиям». Ярким подтверждением этого является замечание Лизы, сделанное во время прогулки с Коссовичем по старому парку в усадьбе. Лизе мало природной красоты осени, за

внешней ухоженностью старого парка ей видятся совсем другие масштабы и красоты: «...мне бы хотелось, чтоб в аллеях стояли старинные статуи, чтобы газоны были выстрижены, фонтаны шумели <...> хорошо бы, если б лебеди плавали в этих бассейнах, и рыбки сбегались на колокольчик» [14, с. 150].

Не случайно юная Лиза спрашивает Коссовича о Версале: сквозь облик парка в собственном имении ей грезится один из величайших дворцово-парковых ансамблей Европы.

Однако всем романтическим мечтам Лизы, ее чаяниям и даже ее искренней религиозности не выдержать напора упорядочивания — Лиза душит в себе появляющиеся мечты, молчит о видениях, опасаясь нотаций и выговоров родителей. Усадебный быт по давно заведенному плану не приемлет, как показывает Зайцев, выхода героини в большой мир, ее самостоятельности, смелого преодоления препятствий.

В рассказе глубоко символичным является то, что обе истории любви (Маши и Лизы) вспыхивают и разгораются в усадьбах. «В ходе размышления о связи с родной землей, с усадьбой рождается у читателя мысль о предназначении женщины» [1, с. 111].

Зайцев показывает читателям, что без настоящей любви жизнь женщины ущербна, неполноценна, вместе с тем писатель на множестве примеров иллюстрирует, что долгое счастье может быть лишь семейным.

Роман Маши и Пермякова разворачивается на фоне трудовых будней, постоянной летней занятости крестьян. Зайцев описывает Машу и Андрея Пермякова постоянно находящимися в движении, в делах. Развитию романа между ними способствует и то, что первая начинает работать в уединенной молочной избе, на сепараторе; при этом писатель позволяет нам заглянуть в самые дальние уголки усадьбы: «Молочная, как нередко бывает в усадьбах, помещалась на отлете, в отдельной небольшой избе; в темноватых сенях — маслобойка, а в комнате дальше — небольшая машинка, привинченная к столу; здесь отделяют сливки от молока, и тонкими струйками бежит из этой воронки в одну сторону снятое молоко, в другую — сливки» [14, с. 142].

Зайцев детально описывает все пространство усадьбы Андреевых. Он не приукрашивает деревенскую реальность и сложности усадебного быта, условия труда работников, однако для Маши очень важно то, что, несмотря на непростую работу, она действует в молочной одна, *без наблюдения*

и контроля. Как мы уже отметили выше, контроль Варвары Михайловны не оказывает на Машу такого сильного и решительного влияния, как на Лизу, однако и деревенской девушке спокойнее без тяжелого взгляда хозяйки. Далее Зайцев поэтично описывает пору сближения героев — покос. Наследуя традиции Толстого в изображении трудящегося народа (вспомним Ивана Парменова и его жену в «Анне Карениной»; Тараса и Федосью в «Воскресении»), Зайцев показывает, во-первых, объединяющую народ силу труда, во-вторых, поэзию косьбы и заготовки сена, в-третьих, неизменную направленность этого труда на обеспечение жизни господ в усадьбе. При внимательном чтении становится ясно, что именно по воле хозяев всех в усадьбе поднимают на работу, что все собираемое сено доставляется именно в усадебные хранилища: «Растут копны; возы со свежим сеном, горячие и душистые, тянутся в усадьбу…» [14, с. 143].

Поэтично и просто показано сближение героев; важно, что, уходя к Пермякову, который в поле сторожит клевер, Маша *оставляет усадьбу позади*. Эта деталь обладает двойной символикой. С одной стороны, писатель показывает, что запретная связь Маши с женатым Пермяковым начинается не в усадьбе, а за ее пределами — таким образом, усадебный мир остается связанным с мотивом чистоты: не случайно О.А. Богданова уделяет большое внимание анализу «мотива усадьбы как рая до грехопадения (чистая юность в контрасте с небезупречной зрелостью), рая, в который нет и не может быть возврата, но который светит как эталон должного бытия, как родина всего лучшего в человеческой душе…» [2, с. 111].

С другой стороны, писатель показывает, что любви Пермякова и Маши тесно в усадьбе Кочки, что для такого чувства необходим иной, *вселенский масштаб*, что им не найти места в усадьбе (тем более в такой, где аккуратность и хозяйственность заглушают проявления жизни): «Но рассуждать было уже поздно, и нельзя было сопротивляться силе, наполнявшей ее, быть может, из этой же летней ночи, из ароматов скошенного сена, из дневного жара, из звезд и солнц Вселенной: той силе, что называется любовью» [14, с. 144].

В неспособности и нежелании Маши сопротивляться любви, которая влечет ее к Пермякову, писатель не видит слабости: именно этим героям в художественном мире рассказа дано показать читателю настоящее чувство, над которым не властны условности.

Взаимная любовь преображает Машу и Пермякова: Маша отдает этой любви всю свою глубокую нетронутую натуру, Пермяков, не склонный к чувствительности, относится к Маше с суровой и сдержанной лаской. Читатель знает, что роман героев «запретный», что у Пермякова есть жена (пусть и постылая) и дети, однако вслед за писателем оправдывает героев. Драматический финал — не чувств героев, но их романа — обусловлен крестьянской тягой к земле: получающий землю Пермяков уезжает, покидая свою любовь. Зайцев показывает, что искреннее сильное чувство не могло перероdиться и угаснуть, что разлучают людей обстоятельства и годами закладываемая в крестьянское сознание ошибка — убежденность в том, что высшей ценностью являются не люди и взаимоотношения с ними, а кусок собственной земли. В погоне за мнимым счастьем Пермяков теряет настоящее, подаренное ему жизнью. Писатель делает акцент на стереотипном мнении людей из народа, на сложившемся в сознании крестьянства «порядке»: «…он был уверен, что без Маши скоро начнет скучать. Но по всем его понятиям, и по понятиям окружающих безумием было бы остаться здесь. Пятьдесят десятин! Все в усадьбе уже завидовали ему, и считали, что в жизненной лотерее он вытянул удивительный нумер» [14, с. 166].

Роман Лизы и Коссовича отличается от истории любви Маши и Пермякова: у этих образованных и богатых молодых людей было все, чтобы устроить свою жизнь и совместное счастье, однако после романтического периода влюбленности, когда Лиза была счастлива исключительно собственными ощущениями, начинается взаимное охлаждение. Зайцев подводит нас к мысли о том, что неспособность Лизы и Коссовича выстроить нормальные семейные взаимоотношения связана с ограничениями, которые были применяемы к Лизе в процессе воспитания в усадьбе и которые постепенно вытеснили из ее души все яркое и трепетное.

Уже в первый приезд Коссовича в дом Андреевых становится ясно, что это деловой человек, активный и целеустремленный, — исключение среди владельцев усадеб в начале XX в. П. Рузвельт с иронией отметила, что «благоразумные помещики, за исключением одного разве Константина Левина, практически не встречаются в русской литературе»: «Лишь отдельные литературные герои, имевшие возможность познакомиться с другими системами ведения хозяйства во время заграничных путешествий или по долгу службы, пытаются сколь-нибудь существенным образом изменить

заведенный порядок. <…> Впрочем, рациональные принципы ведения хозяйства часто уступали соображениям иного рода: желанию утвердить или поддержать свое положение в обществе, подражая европейским <…> обычаям» [9, с. 347–348].

Собственно, первый визит Коссовича к Андреевым связан с его решением учредить союз местных сельских хозяев для эксплуатации садов. Богатый решительный сосед предлагает Николаю Степановичу не поддаваться на уловки съемщиков, продавать яблоки самим в Москве и выручать вдвое большую цену. Чуть позднее в рассказе мы узнаем, что Радищево — это не наследственное, а недавно приобретенное Коссовичем имение, в котором он заводит много новшеств, при этом сохраняя лучшие из прежних порядков.

Все в купленной Коссовичем усадьбе отличается добротностью и роскошным убранством. Зайцев намеренно включает в рассказ мотив потери усадьбы прежними владельцами: времена, когда в усадьбах можно было оставаться бездеятельными, жить обособленно, уходят. Для обеспечения роскошной жизни нужно работать и самим думать о прибыльности хозяйства. В течение недолгой прогулки Лизы и Коссовича по парку читатель успевает понять, что хозяин не просто в курсе всех производимых работ, но сам является главным их организатором. Он показывает Лизе пруд, ухоженный парк, наконец, оранжерею или, как ее называет сам хозяин, теплицу, где «произрастают разные его детища» [14, с. 154]. Хозяйственная жилка Коссовича открывается не только в его способностях к торговле, но и в умении организовать устройство разных объектов, работу людей.

Коссович очаровывает Лизу, она идет замуж по любви, искренне и радостно. Несколько грустит при отъезде из родной усадьбы, однако перед ней усадьба мужа — еще более роскошное Радищево. Сюжетные линии в рассказе движутся параллельно: Лиза выходит замуж, а Маша уезжает в Москву, вот только к этому моменту Маше уже удалось понять, что такое настоящая любовь.

Совместного счастья у Коссовичей не получается: читатель видит, как Лиза все чаще навещает родителей, не рассказывая матери о семейных проблемах. Постепенно Маше становится тяжело в Москве, ее тянет в деревню, на родину: бывшие подруги-ровесницы — барышня и ее помощница — встречаются в усадьбе. Возвращение героинь домой не радостно:

обеим усадьба напоминает о лучшем и прошедшем времени их жизни. Н.Л. Вершинина отметила, что в литературе конца XVIII — начала XIX в. (в творчестве А.Д. Кантемира, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина) «сюжет “возвращения домой” возникает не в своем самостоятельном значении, а лишь затем, чтобы подчеркнуть, что полная внутренняя свобода достижима только в стенах родного дома. Им объявлены усадьбы и весь усадебный мир, где не требуется соблюдать принудительный этикет...» [4, с. 124].

В рассказе Зайцева все наоборот: Кочки становятся тем местом, где принуждение и шаблонное поведение максимально дают о себе знать.

Едва ли можно согласиться с Ю.И. Айхенвальдом в том, что рассказ Лизы о своей неудавшейся семейной жизни в финале избыточен. Героиня должна была все рассказать читателю, чтобы открыть причину охлаждения к ней активного и целеустремленного Коссовича: «Он, Машенька, никого не завел, а просто я чувствую, что ему со мной скучно. Только он этого не говорит. Я и не хочу его стеснять» [14, с. 173].

Привыкшая в родительской усадьбе к предписаниям и послушанию, Лиза своей безынициативностью становится скучна мужу. Аккуратность и основательность, дотошная склонность к порядку недостаточны для построения настоящей семьи, тут необходимы живые человеческие чувства.

В финале рассказа Лиза называет себя верующей; рассматривая памятное ей надгробие в виде мраморного ангела, она вскользь упоминает о конце человеческого пути, замечая, что не боится могил. Несмотря на трепетность Лизы, ее чуткость, писатель предпочитает ей в заглавии рассказа Машу, не задумывающуюся о философских проблемах бытия, живущую по сердцу.

Исследователями замечено, что в прозе Зайцева деревня Кочки объединяет повесть «Авдотья-смерть» с рассказом «Маша»: «Подобный прием призван отразить силу противоречий прошлого и настоящего: исследовательский фокус перемещается на другой социальный слой — герои-интеллигенты уступают место фермерам и крестьянам, позволяя представить трагедию революции <...> с точки зрения человека из народа, лишенного возможности бежать из страны. Иным становится и ракурс изображения: идиллические помещичьи пейзажи сменяются грубыми картинами деревенской жизни...» [5, с. 55].

Не случайно Маша Головина упоминается также в повести «Авдотья-смерть», хоть и вскользь, — автор указывает на ее роман с Пермя-

ковым как на давно прошедшее событие. Здесь на первый план выходит не частная жизнь, а новые социальные обстоятельства: «Крестьяне деревушки Кочки давно забрали барских коров, и с огорченьем сами вынуждены были их отдать в совет» [14, с. 427]. Старый порядок погребен и забыт, как и старые «хозяева жизни»: «Николай Степанович, столь любивший чинность и порядок, так и умер в очках и старой своей форменной тужурке» [14, с. 427].

Итак, с ярким образом крестьянской девушки Маши, заслонившим дворянскую дочь Лизу, писатель связывает надежды на будущее страны: Маша превосходит свою «барышню» в жизненной активности и способности к сильному чувству.

Список литературы

Исследования

1 *Андреева В.Г.* Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А.И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 107–119. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00009

2 *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1) https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8

3 *Вершинина Н.Л.* Идея порядка в онтологии усадебного быта (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 116–119.

4 *Вершинина Н.Л.* Функция «порядка» в онтологии усадебного текста XVIII–XIX веков // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 120–134.

5 *Вилесова М.Л., Хатямова М.А.* Антропологическая функция пространства в малой прозе Б.К. Зайцева 1920-х // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 53–62. DOI: 10.17223/18137083/54/6

6 *Коваль А.И.* Художественная вселенная писателя: быт русской литературной усадьбы // Наука, образование и культура. 2018. № 9 (33). С. 78–85.

7 *Лебедев Ю.В.* Православная традиция в русской литературе XIX века. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 428 с.

8 *Любомудров А.М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

9 *Рузвельт П.* Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / пер. с англ. Н.А. Вознесенского и А.В. Вознесенского. СПб.: Коло, 2008. 520 с.

10 *Скороходов М.В.* Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX– первой трети XX в.: междисциплинарный подход: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4)

11 *Тюпа В.И.* «Доктор Живаго»: композиция и архитектоника // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 380–410.

12 *Щукин В.Г.* Тихий ангел. К истории одного из константных мотивов русской литературы. Статья первая. Происхождение и история топоса // Имагология и компаративистика. 2014. № 1 (1). С. 52–68.

Источники

13 *Айхенвальд Ю.* Борис Зайцев // *Зайцев Б.К.* Собр. соч. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. С. 490–509.

14 *Зайцев Б.К.* Собр. соч. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. 544 с.

References

1 Andreeva, V.G. “Obraz usad’by i rodnoi zemli v povestiakh i romanakh A.I. Ertelia” [“The Image of the Estate and Home Ground in Stories and Novels by A.I. Ertel”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1 (52), 2020, pp. 107–119. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00009 (In Russ.)

2 Bogdanova, O.A. *Usad’ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiia* [*Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (Series “Russian Estate in the World Context.” Issue 1) https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8 (In Russ.)

3 Vershinina, N.L. “Ideia poriadka v ontologii usadebnogo byta (na materiale russkoi literatury XIX veka)” [“The Idea of Order in the Ontology of Estate Life (On the Material of Russian Literature of the 19th Century)”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 2 (2), 2014, pp. 116–119. (In Russ.)

4 Vershinina, N.L. “Funktsiia ‘poriadka’ v ontologii usadebnogo teksta XVIII–XIX vekov” [“The Function of ‘Order’ in the Ontology of Estate Text of the 18th–19th Centuries”]. *Paradigma: filosofsko-kul’turologicheskii al’manakh* [*Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac*], no. 24, 2016, pp. 120–134. (In Russ.)

5 Vilesova, M.L., and M.A. Khatiamova. “Antropologicheskaia funktsiia prostranstva v maloi proze B.K. Zaitseva 1920-kh” [“Anthropological Function of Space in the B.K. Zaitsev’s Short Prose of the 1920s”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2016, pp. 53–62. DOI: 10.17223/18137083/54/6 (In Russ.)

6 Koval’, A.I. “Khudozhestvennaia vselennaia pisatelia: byt russkoi literaturnoi usad’by” [“The Artistic Universe of the Writer: The Life of a Russian Literary Estate”]. *Nauka, obrazovanie i kulitura*, no. 9 (33), 2018, pp. 78–85. (In Russ.)

7 Lebedev, Iu.V. *Pravoslavnaia traditsiia v russkoi literature XIX veka* [*Orthodox Tradition in Russian Literature of the 19th Century*]. Kostroma, Kostroma State University named by N.A. Nekrasova Publ., 2010. 428 p. (In Russ.)

8 Liubomudrov, A.M. *Dukhovnyi realizm v literature russkogo zarubezh’ia: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev* [*Spiritual Realism in Russian Literature Abroad: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)

9 Ruzvel’t, P. *Zhizn’ v russkoi usad’be: opyt sotsial’noi i kul’turnoi istorii* [*Life in a Russian Estate: Experience of Social and Cultural History*], trans. from English by N.A. Voznesensky and A.V. Voznesensky. St. Petersburg, Kolo Publ., 2008. 520 p. (In Russ.)

10 Skorokhodov, M.V. *Pomeshchich’ia usad’ba v russkoi literature kontsa XIX – pervoi treti XX v.: mezhdistsiplinarnyi podkhod* [*The Landowner’s Estate in Russian Literature of the Late 19th – First Third of the 20th Centuries: An Interdisciplinary Approach*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 272 p. (In Russ.)

11 Tiupa, V.I. "'Doktor Zhivago': kompozitsiia i arkhitektonika" ["'Doctor Zhivago': Composition and Architectonics"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2011, pp. 380–410. (In Russ.)

12 Shchukin, V.G. "Tikhii angel. K istorii odnogo iz konstantnykh motivov russkoi literatury. Stat'ia pervaia. Proiskhozhdenie i istoriia toposa" ["Quiet Angel. On the History of One of the Constant Motifs of Russian Literature. Article One. Origin and History of Topos"]. *Imagologiia i komparativistika*, no. 1 (1), 2014, pp. 52–68. (In Russ.)